

Пётр Корольков
поэт и динозавр

Пётр Корольков
ПОЭТ И ДИНОЗАВР

«Издательские решения»

Корольков П.

поэт и динозавр / П. Корольков — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-44-837588-0

Дорогой читатель, сейчас ты держишь в руках мой первый авторский
сборник — более 100 стихотворений, написанных в период
с 2009 по 2017 годы отобранных мной специально для этой
книги. Приятного чтения и хорошего тебе дня. :)

ISBN 978-5-44-837588-0

© Корольков П.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
УЗЛЫ	8
Серо-бежевый	9
Узлы	10
«Гроза забирает последние крохи...»	11
Выборг	12
Директор небесного бункера	13
Пора	14
БЕЗ	15
«Тирания крикливой свободы...»	16
«В это время мой город стал тихим, совсем опустевшим...»	17
Без	18
Урок	19
Точка	20
Я	22
«Дождь – прозрачная борода города ...»	23
«Россия – мама-алкоголичка...»	24
«Белеет к смерти чёрная зависть...»	25
«Москва уже вся разворочена, вся перекопана...»	26
«А жалость действительно лучше какой-то там зависти...»	27
«Во сне я поднимаюсь на лифте на миллиардный этаж...»	28
Верю	29
ВЫЖИТЬ	31
Мобиблия	32
Друзьям в Мытищах	33
Хочу	34
Миллион	35
Джиму	36
Трезвые стансы	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

ПОЭТ И ДИНОЗАВР

Пётр Корольков

Иллюстратор Ольга Романова

© Пётр Корольков, 2017

© Ольга Романова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-7588-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Для большинства современных поэтов их первые сборники – торопливая претензия на имя поэта, визитка, попытка очертить свою территорию (пусть даже крохотный клочок) в самой литературной стране в мире.

Однако, открыв первую страницу «Поэта и динозавра», вы увидите нечто иное. «А что же?» – спросите вы. Вычурное самобичевание? Гневные воззвания? Едкую иронию? Поверхностную злободневность?

Нет. Например – откровенную историю молодого человека, который смог выкопать себя из могильной горечи и расстаться с бесконечными сумерками. Роуд-муви длиной в несколько лет и расстоянием в несколько жизней. Беззастенчивый автопортрет, впитавший нервные краски эпохи.

Любое творчество рефлексивно, но для Петра это не одна из тех броских фраз, которыми нынче часто орудуют кухонные психологи и философы. Его стихи – это пульс человека, рисующего лабиринт собственного бытия. Каждое стихотворение – бритва, острая и хрупкая, гальванизированная серебром чувств. За каждым стихотворением – реальность, преломленная витражом внутреннего храма. За каждой строкой – беспокойный и неустанный поиск своего места.

История, изложенная в сборнике, динамична. Прочный серый лёд тоски разламывается неизбежной весной, горечь сменяется доброй усмешкой. При этом Пётр далёк от клише и измученных литературных па «страдающих поэтов», все его стихотворения бесконечно искренни и посвящены конкретному событию или переживанию, каждое из которых живо встаёт перед глазами даже сквозь безупречно выдержанные тон и слог.

Я хорошо себе представляю, чего стоило Петру перечитать стихи прошлых лет, вновь прикоснуться к старым шрамам. Но без этого сборник получился бы куцым и монохромным. Тем ценнее и уникальнее то путешествие, которое он предлагает совершить читателю. Путешествие сквозь предгрозовую духоту к ясному спокойному дню.

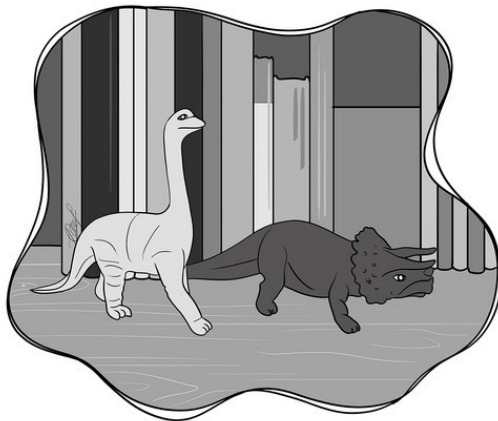
«Поэт и динозавр» – это путешествие моего друга, в которое он приглашает каждого читателя. А путешествие лучше не откладывать, и первый шаг – первое стихотворение, уже нетерпеливо ждёт вас.

Рушан Ахметжанов

¹ Красивые иллюстрации к разделам книги нарисовала Ольга Романова; вся остальная графика в тексте – дело кривых рук автора. :)

УЗЛЫ

Серо-бежевый

Серое утро порывами ветра всклокочено.
Пуст и беспечен, я скован бездействия пленом.
Жизнь – автостоп; одиноко стою на обочине.
Грязные звуки плывут по отравленным венам.
Нервные срывы, а может быть просто куражась,
Будней бетон я крошу в порошок сумасшествия.
В новую пропасть шагаю не глядя, торжественно;
Грудь разрывает бесцельная ажиотажность.

Бежевой кашей становятся лица знакомые.
Мнимый покой, и из дома не выйти неделю.
Ползает взгляд, превращается мозг в насекомое;
Жадно бросаю себя в паутину безделья.
Время слоится; подобие собственной тени,
Тщетно пытаюсь порвать я оковы привычности.
Бремя души и детали несобранной личности
Слабо мерцают узором нелепых сплетений.

30.08.09

Узлы

Там, где лицемерие превращается в панацею,
в способ избежать большинства проблем и вопросов,
я становлюсь ангелом и демоном в одном лице, и
на судьбу продолжаю печатать слепые доносы.
Продолжаю делать вид, будто ничего не случилось,
для себя открывая реальности новые грани;
без конца и начала надеясь на ту беспричинность,
что с рождения до смерти нас всех хаотично тиранит.
Не нуждаясь ни в голосе неба, ни в накипи догм,
я срываюсь с хождений по старым бессмысленным схемам;
все вокруг заставляю казаться бездумным, бездомным,
вездесущий порядок в себе нарушая системно.
Игнорируя страхи и писаных правил угрозы,
на маршруте своём я отметил узлы переходные;
мой патриарх и судья – Уильям Берроуз,
Эдик Старков – мой адвокат и духовник.

25.05.10

«Гроза забирает последние крохи...»

Гроза забирает последние крохи,
из рук вырывая мой сломанный зонт;
последние дети ушедшей эпохи
в экстазе сгорают под клубный музон.
Дорога сквозь слёзы безумно хохочет,
глотаю подошвы глазницами луж;
свисают заката кровавые клочья,
огнём обдавая сердечную сушь.
В ноктюрне дворов истончается кожа;
событий состав исчезает в депо.
Без нот сожаления время проложит
на старом пожарище новый окоп.

15.06.10

Выборг

Закат – торжество декадентов,
восход – манифест футуристов;
дорога в кольчугу одета
колёсного стука и свиста.
Похмелье обратной дороги,
приезда счастливое пьянство;
души обивают пороги
изменчивость и постоянство.
Фасадов щербатые лица
с прогулки за стол приглашают;
дымится бульжною пиццей
мощёная площадь большая.
Залива змеиная кожа
на берег ползёт валунами;
и порт в белом сумраке ожил,
взорвав тишину между нами.
Моргает рогатая башня,
грызёт перекрытий намордник.
Я ключ от событий вчерашних
оставил на острове Мёртвых.

21.06.10

Директор небесного бункера (текст песни)

Пеной из пасти слепого дракона
Снег объявил ультиматум весне;
Жёлтые стёкла в синих вагонах
Бьют по безумной глазной белизне

Пляшет на плитах консервный конструктор,
Выварив кашу кирпичных кастрюль;
Полупещерные овощи-фрукты
Выросли в рельсово-шпальный патруль

*И швыряет листовки директор небесного бункера,
Стуком в дверь отвечая на шёпот печатных полос*

Петли запали в чердачные горла,
Вольные шеи втянув в потолок
Солнце следы свои ластиком стёрло;
Ярко из ярости вырвался клочок

Чёрные дыры вползают под веки,
Пьют растворитель компьютерных снов;
Ветер ограбил воздушные реки,
Став океаном несказанных слов

*И костёр разжигает директор небесного бункера,
Растирая в золу угольки затухающих звёзд*

24.04.11

Пора

Без билета время провозит
по знакомым прежде местам;
мыслей стук в голове нарастал —
он сродни надоевшей занозе.
Повторяется старый маршрут;
сон сменяет утихшую песню,
а внутри снова пусто и тесно,
и сомнения заживо жрут.
Цепь из лиц и видений неясных
подо лбом кандалами звенит;
взгляд взметнулся и вышел в зенит,
срезав кромку небесного наста.
Ночь — предвестница будущих драм —
наложила на звёзды запреты;
я несусь сквозь неё без билета,
но уже выходить мне пора.

22.09.11

БЕЗ

«Тирания крикливой свободы...»

Тирания крикливой свободы
заливает бензином мозги;
с белым знаменем армия добрых
контролировать будет всех злых.
Не отступим от главного плана:
Мир! Добро! Прогрессируй же, люд!
Пусть едят мясоедов веганы,
пусть учёных фанатики бьют.
Запретим все плохие словечки,
диктатуру раздавим в тисках;
волчьим смайлом скривилась овечка,
в глаз врагу горсть бросая песка.
Присягнём мы свободе на верность,
выжжем «серую массу» – зверьё;
вездесущую политкорректность
в бочку с дёгтем мы мёдом зальём.
Ненавидим друг друга с улыбкой:
правда – нитка, зашившая рот.
Мы – послушные добрые рыбки
радикально окрашенных вод.

08.08.12

«В это время мой город стал тихим, совсем опустевшим...»

В это время мой город стал тихим, совсем опустевшим,
отражаясь в густеющем небе разрытыми кладами;
разбавляя уверенность страхом, трагизм – клоунадами,
день протёк по бетонным кустам тяжело и поспешно.
Отплясали по улицам ноги бессчётными тучами,
отскакали колёса шершавым резиновым градом;
расползается ночь по безжизненным серым громадам,
выключая дневные заботы о благополучии,
надоевшие мысли, мечты, иллюзорные планы
на себя и других в от руки нарисованном будущем.
Ночь подарит надежду всем ждущим, зовущим и любящим;
даст и почву, и пищу для слов – самых нужных и главных.
Город медленно тонет в зрачках под тяжёлыми веками,
растворяется ночь в миллионах спокойных дыханий;
время всё проживёт, всех и каждого съест с потрохами,
и с улыбкой накроет вопросы простыми ответами.

26.08.12

Без

Без тебя Москва стала разорённым, разрушенным муравейником
в ожидании поджога, войны и прихода французов;
а я сам недоваренным выпавшим ленивым
вареником,
остывая, прилипший, лежу на полу кверху пузом,
вспоминая, как тихо лежал на твоём животе.
Уже кончилось лето – мне врут календарь и часы.
Уморительным танцем съедобных желудочных тел
через масло любви, ожидания плавленый сыр
дни один за одним беспощадно сменяют друг друга,
отдаляя меня от тебя ещё больше и дальше.
Без тебя вся Москва заползла в самый зассанный угол,
где сидит и глаза, огрызаясь, безумно таращит.
По аортам и венам метро я плыву лейкоцитом —
непонятно зачем, ведь Москва...

...умирает!

От СПИДа!

БЕЗ ТЕБЯ!!!

...я спешу завершить новый суточный цикл,
чтобы в краткий обрывочный сон прямо с улицы прыгнуть.
Может, ты мне приснишься. Я снова скажу тебе: «Здравствуй».
Ты ответишь с улыбкой: «Привет». И вдоль рельсов трамвайных
вся столица тогда будет биться об ноги богатством:
мы дошли до неё и трофеем без боя забрали.

27.08.12

Урок

Начинаю смотреть по-новому на обычные вещи,
получая кайф от еды и холодного душа.
Вот ведь судьба – пошутила так зло. Нет – даже зловеще;
но как ни крути, а насильно ты мил не будешь.
И можно ходить по колено в своих же порывах,
закидывать объект любви самопальными строчками...
Я иду в шесть утра на работу с бутылкой пива,
хотя, признаться, пить мне уже совершенно не хочется.
Я уже очень много умею и многое знаю,
я себя таким сильным ещё никогда не чувствовал;
но сейчас мне придётся учиться без тебя жить, родная —
а этого я, если честным быть, и не хочу совсем.
И пусть я многое знаю, пусть много умею,
но такой же дурак. А урок этот самый тяжёлый:
не прикажешь любви. Всё залечит упрямое время.
Ты не будешь со мной. Не возьму никогда тебя в жёны
(и сама не пойдёшь). Никогда мы не будем вместе.
Повторяет мозг эти пункты домашним заданием.
Прозвенел звонок. Остаётся сходить поесть и
себе запретить жить в надежде и ожидании.

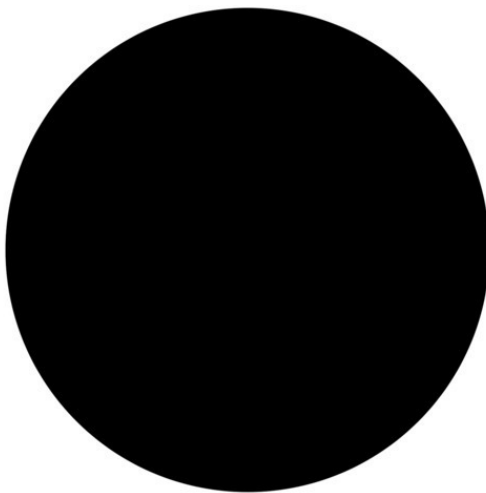
30.08.12

Точка

Любовь —
больная, дикая, сумасшедшая;
я стоял и смотрел, как ты скрылась за краем ночи.
Удавкой на шее, сплетённой из городского кишечника,
затянулся кошмар. Мокрый порох минут испорченных
по дороге сыпался из самим же надломанной тубы;
волшебство и сказка обернулись арт-хаусным хоррором.
Я тебя искал сквозь огонь и медные трубы
по дорогам, дворам, оборачиваясь во все стороны.
Для меня ты стала казаться безумно опасной,
расписавшей игру по своим непонятным правилам;
Красной Шапочкой в своей безрукавке красной,
которую вычитал Волк из книги поваренной.
А я в те минуты действительно был волком —
из «Ну, погоди!», нарисованным и в тельняшке,
с сигаретой в зубах. Я нарочно выглядел олухом,
сумасшедшим, юродивым, на рубль себя разменявшим.
Ты смеялась, курила, молчала; мы шли по дороге,
ускользающей в ночь сквозь дождливую лета агонию.
Настоящая, яркая, дерзкая, грустная, строгая —
мои речи на спину твою пришивались погонями.
Я оставил тебя на аллее. Смотрел тебе в спину,
наблюдая, как ты уплываешь в глубины окраин.
Раздражение, злоба внутри закололи противно;
невозможно, что ты была здесь, что была ты реальна.
Я понёсся вперёд — оглушённый, в бреду и горячке;
я тебя потерял. Сам, без паспорта и телефона,
на кусочки разбит, до молекул последних растрочен;
я себя ощутил в тот момент прогоревшим плафоном
на конечной в метро. Ноги тело отправили к дому;
труп надежды вздыхал, зацепляясь за тёмные лавки,
за качели, дворы. Мир, казалось, навеки поломан,
ну а я — пациент психбольницы без прав и без справки.
Дальше всё как в кино: оборот, силуэт в капюшоне
и навстречу кошачьи шаги виноватой походкой;
с хладнокровным лицом, изнутри до костей обожжённый,
я тебя целовал, как паломник святую икону.
Я хотел твоей смерти. Хотел задушить тебя сразу.
Но лишь пьяной пощёчиной выкрикнул: «Ну ты и дура!»
До сих пор ощущаю себя червяком безобразным,
и твоё «ненавижу» мне в грудь прогрызается буром.
Мы расстались спиной к спине. Я проматывал сцены
из трагедии нашей весь путь по дороге к подъезду.
То, что было так свято, волшебным, легко и бесценно —
расплескалось до дна. Утекло в невозвратную бездну.

Не осталось ни слёз, ни надежд, ни себе оправданий.
Всё случилось как есть. Мы летели – с деревьев листочки —
и мирами столкнулись, друг друга изрядно поранив.
Между нами раскинулась кратером жирная
точка.

31.08.12

Я

Я —
слов нескладных угловатый Стравинский.
Я —
слогов слоёных кошмарный Шнитке.
Я
от чисел отрециваюсь по-свински.
Я
реальность распутываю нитка за ниткой.
Я
пропитан всеми ядами города.
Я
последний в мировом алфавите.
Я
длинен, но чудовищно короток.
Я
в жизнь влюблён, но смерти любитель.
Я
небрежен, но донельзя аккуратен.
Я
с феноменальной памятью, но с дырой в голове.
Я —
бережливый жизни прожигатель.
Я —
разборчивый гурман-калоед.
Я,
уходя, прихожу навечно.
Я,
возвращаясь, ухожу на сто лет.
Я
языком неизлечимо излечен.
Я —
русский поэт.

05.09.12

«Дождь – прозрачная борода города ...»

Дождь – прозрачная борода города —
ночь щекочет, хлыстом прищёлкивая.
По дорогам прыгают пружинными чёлками
фонари – ордена генерала гордого.
Память с песнями сплетается косами.
Секунды-кадры рвутся сорочками.
Жизнь – смертная казнь в рассрочку
с возможностью выбора срока и способа.

07.09.12

«Россия – мама-алкоголичка...»

Россия – мама-алкоголичка.
Любовь и бессилие, злоба и преданность.
Шесть утра. Я несусь до Твери в электричке,
заполняю усидчиво времени ведомость.
Изнутри распирают различные чувства:
ожидание, горечь, тоска, беспредельность;
но в душе утомительно тесно и пусто.
Я живу. И куда же отсюда я денусь?
Для меня не прошли девяностые даром,
нулевые наивно текли за ушами.
Я себя ощущаю чудовищно старым —
с псориазом, склерозом и телом лишайным.
То, что видели в детстве глаза так наивно,
оказалось смешным и немыслимым фарсом.
Девяностые – просто сюжет «Ширли-мырли»;
нулевые – вода на поверхности Марса.
Где бы ни был – в Лыткарино, Сходне, Мытищах —
по башке ударяют прошедшие годы;
не становится легче, спокойнее, тише —
пожинаю пожизненно прошлого всходы.
Настоящая жизнь, словно синяя птица,
исчезает в домах, на деревьях, на рельсах.
От судьбы не уйти – ни сбежать, ни укрыться.
В голове кавардак и банальные пьесы;
извиваются старые мысли и взгляды.
Сожаление льётся на шпалы мазутом.
Словно ствол в ожидании пули, заряда,
я живу, в новый снег наступая разутым.

12.09.12

«Белеет к смерти чёрная зависть...»

Белеет к смерти чёрная зависть
на каждой хорошей встрече и вписке.
Мозгофон настроен и включён на запись.
Есть ещё место на мягком диске.
Горечь потерь вытесняется куражами,
на подошвах кед протирается дырами.
Рано утром мы уже пили и ржали,
а в полдень любовались дворовыми видами,
обжигая руки чизбургерами в целлофане,
заливая в глотки ледяное пиво.
Вечер: вермут и Чистяков на экране —
концерт группы «Ноль» без перерыва.
Много было сказано и подарено,
много — выпито и услышано.
Так проводил я время в Лыткарино:
с другом, на улице и под крышей.
Два дня пролетели так ярко и быстро —
двумя часами они показались.
Есть ещё место на мягком диске.
Мозгофон настроен. Включён на запись.

14.09.12

«Москва уже вся разворочена, вся перекопана...»

Москва уже вся разворочена, вся перекопана;
меня по пятам преследует вечная стройка.
Сентябрь вытащил тельце и лапки из кокона,
ползёт по земле и царапает страшные строки.
Сон и реальность играют друг с другом в шарады,
меня пригласив посидеть на судейской трибуне;
пьяная память проводит шальные парады,
листьями в лужи ложатся тревожные будни.
Днями мобильник молчит, словно сломанный робот;
варятся яды в желудке чудовищным супом.
С грохотом, лязгом, с гангреными язвами город
жвачкой положит мой труп на дырявые зубы.

15.09.12

«И снизу лёд, и сверху – маюсь между...»
Владимир Высоцкий

Лёд застывает заслонами сверху и снизу,
заставляя прокладывать путь истеричными тропами.
Мы рождены удивительными микроскопами,
но барахтаемся в грязи, царапая драгоценные линзы.
Сердце стучит на убой, спотыкаясь спонтанно;
тело теряет свой вес, утекая из кожи.
Пьяный ящик упускает упругие вожжи;
жизнь вопреки – удивительно страшно и странно.
Старые чувства зовут к незнакомым квартирам,
жизнь заставляя считать комедийным романом;
жалость к бомжам, алкоголикам и наркоманам
мысли о скорой кончине рисует красиво.
Ночь прорастает бамбуком сквозь мышцы и рёбра,
сон превращая в подобие пытки и казни;
вместе с усталым сознанием люстра погаснет,
стенам в последний момент улыбнувшись недобро.

17.09.12

«А жалость действительно лучше какой-то там зависти...»

А жалость действительно лучше какой-то там зависти;
как случайная встряска, что лучше избитых сюжетов.
Коротаю деньки в атмосфере шальной привокзальности,
выступая наглядной инструкцией «Вредных советов».
Расступается город в глазах каменелой саванны,
подкупая своей красотой и гротескным уродством.
Опостылый покой собирается пылью за ванной.
За внимание к чувствам устал я усердно бороться.
Я уже не плыву по ухабам пластмассовой пробкой —
жизнь течёт сквозь меня. И ничто не проносится мимо.
Не вернусь к нелюбви. Не вернусь к притязаниям робким
и заезженной роли Пьеро – пустотелого мима.

17.09.12

«Во сне я поднимаюсь на лифте на миллиардный этаж...»

Во сне я поднимаюсь на лифте на миллиардный этаж,
а после спускаюсь на гигантском колесе обозрения.
Во сне я – организатор самых гениальных афер и краж.
Во сне все всегда отвечают на все мои бредни.
Бессонные ночи выбивают из тела жир,
из сердца – любовь, из мозга – мыслишки чернушные.
Только тогда понимаю, что всё ещё жив:
падаю в сон, понимая, что завтра проснусь ещё.
Под утро приходят самые яркие сны —
если, конечно, спать лечь под самое утро.
Во сне мы вообще никому ничего не должны —
собственно, как и в реальности, если подумать.

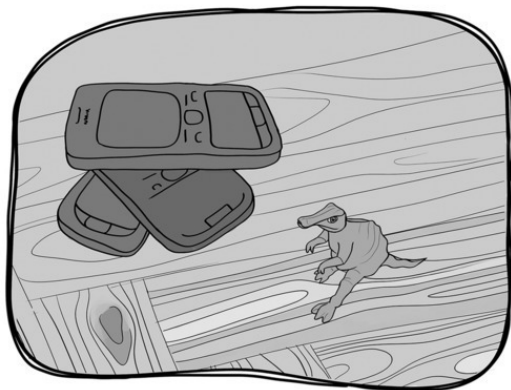
18.09.12

Верю

«Петя, живи! Обязательно будешь ты счастлив!» —
говорит мне бомжиха с красивыми голубыми глазами.
Продавец шинкует шаурмы составные части —
так усердно и тщательно, как будто сдаёт экзамен.
День был уже изначально, в принципе, просран:
утро в чужой квартире с бутылкой джина,
взятой мной со стола втихаря и без спросу;
я слушал песни с ноутбука, напиваясь неудержимо,
со стаканом сидя на стуле и глядя в окошко,
смакуя жгучую горечь и мрачные виды.
Жизнь показалась мне просто журнальчиком пошлым.
Я отрубился, прикончив чуть меньше поллитра.
Проснулся к шести. Фонари уже час как горели.
Подругу обняв, я оставил её у подъезда.
Ногами измерив асфальта глубины и мели,
я сел на метро и понёсся по станциям резво.
Забрав мухоморы, забытые ночью у друга,
с другим своим другом поехал домой на машине.
Я был на сиденье соседнем шутливо обруган
уже по совсем очевидной и внятной причине.
В ответ я смеялся, горланил стихи и тирады,
себя ощущая Есениным или Высоцким —
не помню уже. Словно губка, пропитанный ядом,
живот заурчал, приближаясь к ночному киоску.
И вот мы стоим в ожидании сказочной пищи,
напиток богов попивая из потных бутылок.
Ко мне подошли две нетрезвые женщины-нищие,
установились сразу так жалобно прямо в затылок.
Дальше вы знаете. Леню углубляться в детали:
странный, но очень живой разговор пустяковый.
Пьяницы просто подачку вкрадчиво ждали,
злую привычку меняя на доброе слово.
«Будет любовь. Обязательно будешь счастливым.
Я обещаю. Ты, главное, духом не падай» —
женщина, жизнью побитая, мне говорила
с мёртвым и грязным лицом, но живым чистым взглядом.
Я на ладонь заскорузлую высыпал мелочь,
пива купил, протянул ей бутылку с улыбкой.
Жизнь как слова: на дороге написана мелом;
кажется часто нелепой, вонючей и липкой.
Пусть же плюются проклятия, льётся лукавство,
множатся раны и страхи, рубцы и потери.
С волей Христа, с героическим пафосом Кастро
я в те слова, как в молитву, безудержно верю.

18.09.12

ВЫЖИТЬ

Мобиблия

С мобильником стало удобней сочинять стихи,
на ходу составляя строчки прямо в заметках.
А раньше люди писали всё от руки
и говорили по телефону, подключенному к розетке.
С интернетом можно со стула увидеть весь мир,
прочитать тонны книг в крошечном блокнотном файле;
дома, у экрана сидя, протирая штаны до дыр;
ну или в дороге – с ноутбуком, в кафе или на вокзале.
Девайсы, мобильная связь, глобальная сеть
без спроса вошли почти в каждую жизнь на планете.
Теперь можно круглосуточно в онлайн висеть,
не отключаясь даже во сне, в пути, в туалете.
Не успел ты о чём-то подумать, куда-то пойти —
всему миру трубишь о себе как о медиа-таре.
Сфотографировал – через секунду фото в сети.
Написал стих – а под ним уже комментарий.
Один или с кем-то, грустный ты или трезвый —
ты открыт для людей в любом настроении и виде.
Теперь так легко демонстрировать своё непотребство,
легче кого-то обрадовать или обидеть;
быстрее знакомиться, ещё быстрее – прощаться,
отвечая лениво на сотни сообщений в личке;
можно проводить целые онлайн-совещания
о цвете волос, о полезных и вредных привычках.
Интернет уже стал похож на мировой океан,
который на один процент всего лишь изучен.
В руках мобильники как Библия или Коран,
планшеты – иконы, а глаз – фанатичный лазутчик;
пальцы – подставки и передатчики букв,
цифр, мыслей, чувств и другой информации.
Родившийся с гаджетом – с ним же – заляжет в гробу,
оставив последний репост и, конечно, «мне нравится».

20.09.12

Друзьям в Мытищах

Когда всё вокруг превращается в «Угадай мелодию»,
а вместо Валдиса Пельша Москва кривляется,
я приезжаю в Мытищи, как на вторую Родину,
под шпало-рельсное буги – подальше от кремлёвского вальса.
Я в гостях там, как дома – у друзей, у сестры с братом;
каждый дом и двор улыбаются девяностами.
Я приезжаю в гости к ювелиру и реставратору,
забывая на всё – забывая гвоздями и досками,
как пивные ларьки, которых в Москве не найти уже;
из Москвы их уже увезли с девяностами вместе.
Девяностами детство как плиткой в мозаику выложено.
Девяностые – дрожжи в моём поколении «Пепси».

21.09.12

Хочу

Я не хочу внимания, сочувствия, жалости —
не ради этого пишу сейчас эти строчки.
Раньше я пил жизнь маленькими глоточками,
а теперь – в два горла, захлёбываясь от жадности.
Магазины ломаются от обилия разных тар,
заставляя дни проживать заспиртованным овощем.
Больше всего я боюсь автобусов «Ритуал».
Больше всего я боюсь машин скорой помощи.
Боюсь звонков со страшными новостями,
звучащих всегда как гром среди ясного неба.
Я жить не хочу, зная, что родных потеряю —
лучше уж сам накроюсь тазиком медным.
Я хочу, чтобы на мои звонки иногда отвечали,
заставляя думать, что я ещё жив и нужен.
Хочу полноценный завтрак, обед и ужин,
и жить с любимой в радости и печали.

22.09.12

Миллион

Вообще я скромный, но нету меня наглей;
я не думаю о деньгах, о прибыли или карьере,
но иногда хочу найти купюру в пять тысяч рублей,
а ещё лучше – выиграть миллион в лотерею.
Одну половину раздам родителям и друзьям,
на вторую – квартиру сниму где-нибудь в Питере.
Конечно, жить совсем без работы нельзя;
жизнь без работы как скучный спектакль без зрителей.
Устроюсь монтажником или продавцом в киоск,
на работу буду добираться пешком и в наушниках.
По Неве и по ветру буду держать я свой нос.
Будет время течь легко и нескучно.
Познакомлюсь в Питере с девушкой и влюблюсь;
мы будем гулять и пить колу, за руки взявшись.
Буду звать её с кухни: «Даш!/Люб!/Люсь!»
Что сегодня готовим на ужин – суп или кашу?»
Я, как вы видите, скромный и без соплей;
не думаю о деньгах, о прибыли или карьере.
Так я потрачу один миллион рублей —
если когда-нибудь выиграю его в лотерею.

22.09.12

Джиму

Я лежу на балконе в шесть утра на Юго-Западной где-то;
выкурил пару трубок, допил вторую бутылку вина.
Интересно, знал ты, что тебя будут слушать через 50 лет?
Знал, что так и не случится Третья Мировая война?
Твой голос недавно разбудил меня совсем рано утром:
«Почему я пью? Чтобы писать стихи...»
В свои двадцать семь ты умер невероятно мудрым, —
пусть и не видел живую берёзки, дубы и ольхи.
Я лежу на балконе и уже по миллионному разу
слушаю твои песни на плеере, больной и пьяный.
Джим, у меня жизнь тоже накроется медным тазом.
Может, тогда я расскажу тебе про наши поляны,
про Родину-смерть, про Москву, про Питер и Выборг,
про публичную роль и святость внутренней сущности.
Про близких людей, доведённых до нервных срывов.
Про болезненную любовь и другие кошмарные чувства.
Мы обсудим Рембо, Блейка и русских поэтов;
посмеёмся вместе над неизменной судьбой.
Ведь я так хочу верить, что там, где ты,
любовь и счастье словно непрекращающийся запой.
Жизнь несётся в бездну остывающей яркой кометой —
чувствую, сердцу осталось стучать года три.
Я лежу на балконе в шесть утра на Юго-Западной где-то.
Время, пожалуйста, быстро ты так не гори.

23.09.12

Трезвые стансы

Пить – не щи варить.
Пить я сегодня закончил.
Лживые календари
делают жизнь короче.
Я в магазине купил
щётку зубную и пасту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.